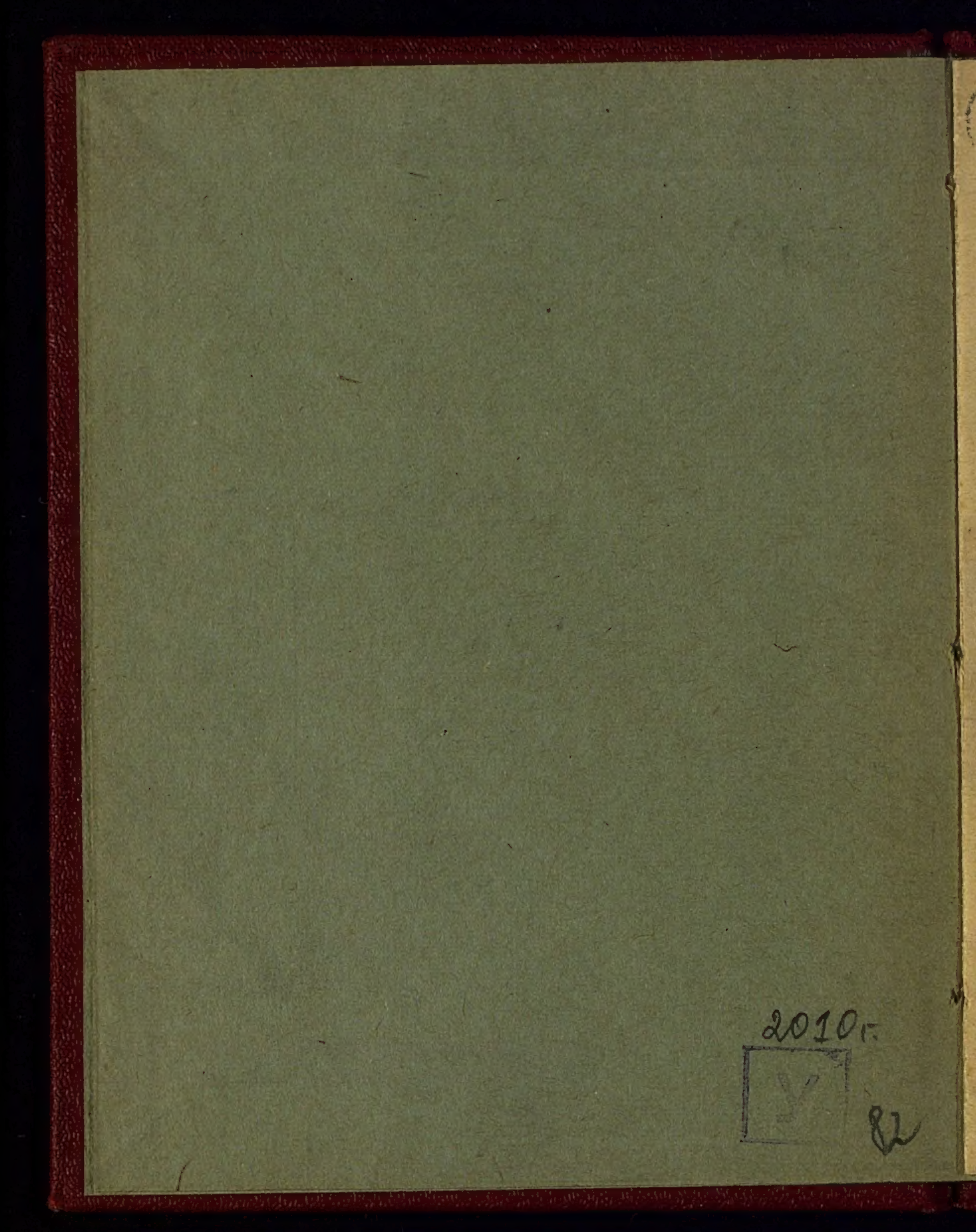

9 января
И ЦАРЕВА
ЧЕРНАЯ
СОТНЯ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА.180
Д 283

2010г.
У
82

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКР. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

9-ое января и „Царева черная сотня".

(*Памяти павшихъ*).

Это было всего только два года тому назадъ... Точно весенніе ручьи стекались со всѣхъ концовъ Петербурга неудержныя массы столичныхъ рабочихъ къ ц нтру... Шли старые и молодые, здоровые и больные, крѣпкіе и слабые, шли отцы съ матерями и дѣти, шли умудренные жизнью старики съ радостной увѣренностью юности и шли — еще н ивные — юноши съ серьезностью стариковъ... Шли молча и сосредоточенно, торжественно неся въ тайникахъ своей души одну глубокую, одну сокровенную думу: ...«Мы всѣ рабочіе и жители Петербурга съ нашими женами, дѣтьми, отцами и матерями идемъ просить правды и защиты. Мы бѣдны, забиты, обременены непосильнымъ трудомъ. Насъ оскорбляютъ, обращаются съ нами не какъ съ людьми, но какъ съ рабами. которые должны молча терпѣть самую жестокую участь. Много ужъ мы терпѣли и со дня на день все глубже и глубже становится наше паденіе. У насъ нѣтъ правъ, намъ не даютъ о разованія, насъ душатъ насиліемъ и несправедливостью. Мы пропадаемъ, мы обезсилены»... И еще: ...«Намъ больше некуда идти, и передъ нами только двѣ дороги: одна ведетъ къ свободѣ и къ счастью, другая—къ могилѣ»...

«Мы обрем нены непосильнымъ трудомъ»... Развѣ этого не зналъ каждый камень фабричныхъ громадъ,

развѣ объ этомъ не говорила каждая строчка конторскихъ книгъ, сводящихъ бухгалтерію кроваваго пота рабочихъ?

«Насъ оскорбляютъ, обращаются съ нами не какъ съ людьми, но какъ съ рабами, которые должны молча терпѣть самую жалкую участь... Насъ душатъ насиліемъ и несправедливостью»... Развѣ этого не видѣло изо дня въ день каждое стеклышко каждаго полицейскаго участка, развѣ объ этомъ не говорили наглые глаза каждаго околодочнаго и дворника?

«Мы бѣдны, забиты... все глубже и глубже становится наше паденіе.. мы пропадаемъ»... Развѣ этимъ стономъ не полны душныя, грязныя и холодныя каморки рабочихъ жилищъ, и развѣ объ этомъ не слышали сухія и чинныя улицы наряднаго и сытаго Петербурга?

О, да! Все это знали, видѣли и слышали давно, давно и много, много разъ!..

И потому «намъ больше некуда идти, и передъ нами только двѣ дороги»... И если одна дорога ведетъ «къ могилѣ», то вѣдь есть еще и другая дорога, — дорога «къ свободѣ и къ счастью». О, да! Всѣ эти бѣды и все горе были выношены и выстраданы рабочими по одному недоразумѣнію: они не знали до сихъ поръ истинной дороги «къ свободѣ и къ счастью»... И вдругъ имъ указали эту дорогу. Она такъ проста, такъ легка и такъ ясна, какъ сама правда. Надо только пойти по этой дорогѣ, непремѣнно пойти, надо только не бояться сказать о себѣ правду, но сказать не такъ, какъ говорили раньше. Они говорили о ней прежде лишь покорнымъ вздохомъ, молящими глазами и тихой улыбкой просьбы; они стыдливо прятали свою наготу, они таили отъ чужихъ глазъ свои язвы. Но имъ сказали, что они ошибались, что надо было громко и отчетливо повѣдать о своихъ нуждахъ еще тому о д н о м у, который одинъ изъ

всѣхъ не зналъ еще о нуждахъ пролетаріата, надо отнести ему свое изболѣвшее сердце, обнажить свои раны, — и онъ самъ польетъ ихъ цѣлительнымъ бальзамомъ...

И они пошли. Имъ загораживали путь банды полицейскихъ опричниковъ, ихъ избивали нагайками и топтали лошадьми дикія казацкія орды... Но они отыскивали обходныя дороги, они молча ложились рядами подъ ноги казацкихъ лошадей, и снова подымались, и снова шли, безтрепетные и неустрашимые, потому что ничѣмъ нельзя было устрашить тѣхъ, которые несли въ себѣ такую чистую, такую святую вѣру... Туда, подъ сѣнь двуглаваго орла самодержавныхъ хоромъ, бережно и любовно несли они свою святыню...

Великій и страшный часъ!.. Великая армія труда своимъ наивнымъ довѣріемъ къ самодержцу пыталась вытравить изъ исторіи Россіи вѣковыя раны, нанесенныя ей самодержавіемъ...

«Пусть наша жертва спасетъ измученную Россію. Мы не колеблясь принесемъ эту добровольную жертву», говорили себѣ тѣ, которые такъ вѣрили, что «не въ силѣ богъ, а въ правдѣ».

Еще мигъ, мигъ дѣтскаго недоумѣнія, мигъ искренно вопрошающаго ожиданія,— и святая святыхъ самоотверженныхъ сыновъ великой страны была въ клочья изорвана кровавыми когтями стараго двуглаваго хищника. Еще одна жертва была принесена для утоленія жажды нашего ненасытнаго фараона... Но это былъ мигъ не только великихъ жертвъ, но и великаго прозрѣнія. Разстрѣлянные, поруганные, ошельмованные п р о с и т е л и увидѣли, что ихъ вѣра была вѣрой невѣжества, вѣрой тьмы и могилы. Въ этотъ мигъ вѣра великихъ жертвъ смѣнилась вѣрой великой, беспощадной борьбы. Это былъ мигъ, вызвавшій дружный, горячій крикъ объ отмщеніи, о сверженіи самодержавной

тираніи, не только въ рядахъ всего петербургскаго пролетаріата, всего Петербурга, но и всей Россіи.

Вѣковая завѣса спала съ глазъ, и впервые прозрѣвшіе слои широкихъ массъ принялись дружно и страстно ковать своими собственными руками освобожденіе родины. Молчаливая, покорная Россія превратилась въ громадный кипящій котелъ. Николай II одинъ за другимъ выпускалъ скорбные манифесты о «неслыханныхъ смутахъ», но страна отвѣчала на его призывы сосредоточеннымъ молчаніемъ и готовилась къ расплатѣ, которая казалась такой близкой.

Проходили недѣли и мѣсяцы, и настали славные октябрьскіе дни. Снова взволновались широкія массы гражданъ, снова огромныя толпы слились въ одномъ стремленіи, въ одномъ страстномъ крикѣ: «жить такъ дольше мы не можемъ, не хотимъ». И этимъ крикомъ была насыщена атмосфера уже не одного Петербурга, а всей городской Россіи, отъ края до края... И—какъ 9-го января петербургскій пролетаріатъ, такъ въ октябрьскіе дни—весь россійскій пролетаріатъ жилъ снова святой вѣрой, но это была новая вѣра,—вѣра въ безкровную революцію, въ рѣшающую силу всеобщей политической забастовки.

Страна, руководимая революціоннымъ пролетаріатомъ, замерла, и тронъ самодержавнаго тирана дрогнулъ. 17-го октября самодержавіе, не выдержавъ натиска освободительной арміи, покинуло передовыя позиціи. Это былъ моментъ, когда измученная, истерзанная родина, опьяненная первой побѣдой, забыла всѣ былыя издѣвательства вѣкового врага и могла простить послѣднему Романову и его приспѣшникамъ даже предумышленное избіеніе безоружныхъ, наивныхъ людей 9-го января...

О, какъ велики, какъ благородны были въ эти дни побѣдители! Въ сердцахъ ихъ не было мѣста для мы-

сли о мести и объ издѣвательствѣ надъ тѣми, кто еще вчера издѣвался надъ ними самими. И хотя не было недостатка въ тѣхъ, которые понимали все ничтожество достигнутыхъ успѣховъ и разъясняли народу неизбѣжность кровавой борьбы за свободу, но развѣ берега могутъ сдержать прибой морской волны? Опьянѣвшее сердце не понимало сухой логики ума и приливами бурнаго восторга заглушало тревожныя мысли о грядущемъ и предстоящемъ.

— Да здравствуетъ революція!

Такъ христосовались въ этотъ день другъ съ другомъ граждане.

И вотъ въ этотъ-то праздникъ ликующей вѣры, вотъ этихъ-то гражданъ-дѣтей снова забрызгали кровью тѣ, которые казались побѣжденными, а на самомъ дѣлѣ лишь притаились, точно воры, за угломъ.

Съ гикомъ и смѣхомъ пронесся по всей Россіи, точно по мановенію волшебнаго жезла, не разъ уже пережитый позоръ еврейскихъ и интеллигентскихъ погромовъ: то банда озвѣрѣлыхъ охранителей самодержавія платила революціи за ея успѣхи...

Такъ во второй разъ самодержавіемъ была высмѣяна вѣра народныхъ массъ въ возможность добиться мирнымъ путемъ свободы. Этой истинѣ много, много разъ самодержавная банда поучала Россію и послѣ октябрьскихъ дней.

Въ самомъ дѣлѣ, кто вдохновлялъ эту банду, кто организовывалъ планы неслыханнаго разгула насильниковъ, кто натравлялъ одну часть населенія — темныхъ, невѣжественныхъ людей, на представителей другой части—борющейся за свободу?

Все онъ-же—Николай II, все тотъ-же послѣдній отпрыскъ стараго двуглаваго хищника.

И если этого до сихъ поръ многіе еще не знали и, быть можетъ, даже не догадывались, то теперь ужъ

въ этомъ не остается никакого сомнѣнія даже для самыхъ маловѣрныхъ. Ибо вотъ послушайте: «23-го мая въ Петергофѣ Дубровинъ, будучи представленъ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, получилъ отъ нея подтвержденіе, что ему, Дубровину, дѣйствительно ссужены с едства на содержаніе Союза Русскаго Народа въ размѣрѣ 500 тысячъ рублей, которые и были выданы главнымъ казначействомъ. Ранѣе этого также было выдано Дубровину 500 тысячъ рублей черезъ фонъ-деръ-Лауница»...*).

Куда-же идутъ эти деньги, народныя деньги? Онѣ тратятся на содержаніе и вооруженіе черной банды.

Итакъ мы теперь знаемъ, что великіе погромщики и изувѣры земли русской, это прежде всего — царь и его семья. Итакъ передъ нами не просто черная сотня, а «царева черная сотня»... Итакъ кровавыя бани, которыми омыта почти вся Россія, это—гражданская война, въ которой нашъ «скорбный» недоумокъ задумалъ утопить революцію.

Но... нельзя рѣку заставить вспять побѣжать. Нельзя никакими звѣрствами вытравить жажду свободы въ томъ народѣ, который позналъ, что свобода нужна ему, какъ воздухъ. Революція побѣдитъ, побѣдитъ въ открытомъ, рѣшительномъ, вооруженномъ бою. Этой вѣрой, третьей вѣрой, живетъ теперь пролетаріатъ, и начинаетъ жить обездоленная, обнищавшая часть крестьянства.

И въ этой вѣрѣ они не обманутся. Мечты этой вѣры сбудутся.

Наша родина переживетъ еще разъ сладкія минуты побѣды, дѣйствительной побѣды. Но это будетъ уже сладость не восторженнаго опьяненія, а сознанія

---

*) Изъ документа, опубликованнаго въ № 11 «Пролетарія».

не напрасно понесеннаго труда, не напрасно пережитыхъ лишеній борьбы.

И въ эти минуты побѣды найдется ли мѣсто для жалости въ измученномъ сердцѣ нашей родины, проститъ ли она еще разъ своимъ палачамъ?

Кто можетъ это знать?

Мы можемъ лишь сказать, какъ бывало у другихъ...

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ Франція, въ то время такая-же, какъ и Россія — безправная, измученная и истерзанная вѣковой тираніей, тоже боролась за новую жизнь, тоже искала дорогу «къ свободѣ и къ счастью». Французы такъ же, какъ и мы, вѣрили сначала своему « омазаннику», королю Людовику XVI, его доброму сердцу, его любви къ правдѣ. И—поруганные въ этой вѣрѣ такъ-же, какъ и мы, французы взялись за оружіе, чтобы въ борьбѣ на жизнь и смерть вырвать у своего врага свое счастье.

И народъ, жаждавшій свободы, побѣдилъ, и палъ подъ его ударами королевскій дворецъ, и народъ, еще не остывшій отъ боевого пыла, еще не омывшій съ себя порохового дыма, валомъ повалилъ въ самодержавныя хоромы къ тому, кто такъ долго травилъ его раны и такъ нагло смѣялся надъ его болями...

И что же сдѣлалъ побѣдившій народъ своему врагу? О, онъ забылъ о своихъ ранахъ, онъ упивался восторгомъ видѣть того, кто былъ для него такъ долго недосягаемъ, онъ съ умиленіемъ дотрагивался до его одеждъ, забывъ, что онѣ обагрены его, народа, кровью, онъ ласкалъ своего обезоруженнаго врага, онъ простилъ,—ибо побѣдители не знаютъ мщенія!..

Народъ тогда не понималъ, что врагъ его еще не обезоруженъ.

Чѣмъ-же заплатилъ король своему великодушному, благородному народу? Измѣной, — подлой, черной

измѣной. Воровски, втихомолку, съ слащавой улыбкой на устахъ, онъ готовилъ народу тяжкія козни, онъ ввергъ его въ страшную междуусобную войну, онъ натравилъ француза на француза и вдобавокъ наслалъ на страну чужеземныя войска.

И еще разъ народъ пожелалъ посмотрѣть на того, кто былъ раньше недосягаемъ. Но это было уже не во дворцѣ, а на площади; и не ликовалъ народъ... Нѣтъ, онъ былъ величаво-тихъ и грознымъ плотнымъ кольцомъ окружалъ высокій помостъ, на которомъ стоялъ тотъ, кому онъ такъ слѣпо вѣрилъ и кто его такъ подло обманулъ... Еще мигъ, одинъ мигъ, и рука палача подняла отрѣзанную гильотиной голову.

— Народный судъ свершился!

Такъ бывало у другихъ....

